

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.111(73):42+811.111(73):38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Исрапил Нуцалханович Гулагаев^{1✉}, Елена Анатольевна Нахимова^{2✉}

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, mr.israpil1@gmail.com✉, <https://orcid.org/0009-0001-6828-9117>

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, nakhimova@gmail.com✉, SPIN-код: 2983-5495, <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

Метафорика событий 11 сентября в контексте конспирологии

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности метафоризации политического дискурса, связанные с репрезентацией власти через когнитивные модели действия, контроля и ответственности в рамках конспирологических теорий о событиях 11 сентября в США. Исследование основано на анализе метафорических выражений, извлеченных из англоязычных СМИ и политических речей за 2015–2024 годы (объем корпуса — около 100 контекстов). В работе используется методика когнитивно-дискурсивного анализа, включающая три этапа: выявление метафорических выражений, их классификация по типу концептуальных метафор и интерпретация прагматических функций в контексте политического манипулирования. Результаты показывают, что метафоры играют ключевую роль в формировании образа политического субъекта и распределении ответственности в дискурсе власти. Метафоры помогают справляться с неопределенностью: после катастрофы, вызвавшей шок и когнитивный диссонанс, именно метафоры дают возможность структурировать хаотичный опыт, а также становятся инструментом мобилизации — маркерами протеста против политических и медийных элит. Выявленные закономерности позволяют уточнить механизмы концептуализации политической активности и расширяют представления о когнитивных стратегиях легитимации. Данное исследование заполняет пробел в изучении метафоры в политическом дискурсе с когнитивной позиции и предлагает методологически обоснованный подход к ее анализу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, американские СМИ, языковые средства, освещение событий, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, метафорические выражения, террористические акты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гулагаев Исрапил Нуцалханович, аспирант кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1; email: mr.israpil1@gmail.com.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гулагаев, И. Н. Метафорика событий 11 сентября в контексте конспирологии / И. Н. Гулагаев, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 57-63.

Israpil N. Gulagaev^{1✉}, Elena A. Nakhimova^{2✉}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, mr.israpil1@gmail.com✉, <https://orcid.org/0009-0001-6828-9117>

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, nakhimova@gmail.com✉, SPIN code: 2983-5495, <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

The Metaphorics of 9/11 in the Context of Conspiracy Theories

ABSTRACT. The article examines the specific features of metaphorization of political discourse related to the representation of power through cognitive models of action, control, and responsibility within conspiracy theories about the events of September 11 in the United States. The study is based on an analysis of metaphorical expressions extracted from English-language media and political speeches from 2015 to 2024 (corpus volume is approximately 100 contexts). The research employs the method of cognitive-discursive analysis, consisting of three stages: identification of metaphorical expressions, their classification according to the type of conceptual metaphor, and interpretation of their pragmatic functions in the context of political manipulation. The results demonstrate that metaphors play a key role in shaping the image of the political subject and in distributing responsibility within the discourse of power. Metaphors help to overcome uncertainty: after a catastrophe that caused shock and cognitive dissonance, it is metaphors that make it possible to structure a chaotic experience, and also become a tool for mobilization — markers of protest against political and media elites. The identified patterns allow for a more precise understanding of the mechanisms of conceptualizing political activity and expand knowledge of cognitive strategies for legitimization. This article fills a gap in the study of metaphor in political discourse from the cognitive perspective and suggests a methodologically grounded approach to its analysis.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, American media, language means, coverage of events, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, metaphorical expressions, terrorist acts.

AUTHOR'S INFORMATION: *Gulagaev Israpil Nutsalkhanovich, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.*

Nakhimova Elena Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Gulagaev I. N., Nakhimova E. A. (2025). The Metaphorics of 9/11 in the Context of Conspiracy Theories. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 57-63. (In Russ.).*

Метафора традиционно рассматривалась как риторический прием, украшающий речь и способствующий выразительности высказывания. Однако современная когнитивная лингвистика [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2010] трактует метафору как базовый механизм мышления, структурирующий представления о мире и формирующий когнитивные модели социального опыта.

Актуальность обращения к метафоре в политическом дискурсе обусловлена ее функцией в процессе идеологического конструирования и манипулирования общественным сознанием. Политические метафоры не только отражают особенности восприятия власти, но и воздействуют на интерпретацию событий, влияя на оценку политических акторов. Российские ученые-когнитивисты, такие как Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова и И. А. Стернин, развивают идеи, согласно которым язык и метафора участвуют в формировании «языковой картины мира», влияя на восприятие, мышление и даже на мировоззренческие установки [Кубрякова, Демьянков, Панкрац 1996¹; Чудинов 2003].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных политической метафоре [Charteris-Black 2011; Musolff 2016; Semino 2008], до настоящего времени недостаточно исследован когнитивный аспект метафоризации политической ответственности. В частности, не получило достаточного освещения то, как метафоры действия, контроля и телесного участия структурируют восприятие политического агента и его взаимодействие с обществом.

Настоящее исследование направлено на выявление когнитивных механизмов, лежащих в основе метафорического моделирования власти, а также на анализ того, каким образом через метафору конструируются образы политического действия, ответственности и легитимации решений.

Согласно И. Мостицкому, конспирология — система взглядов, объясняющих события как результат деятельности тайных

сил, тайных обществ или оккультных явлений². В современной философии теории заговора рассматриваются как специфическая форма общественно-политического дискурса, часто выполняющая функции критики власти, маргинализации официальных версий или выразителя недоверия к институтам [Cassam 2019].

Конспирологические нарративы, как отмечают Вуд и Дуглас в исследовании «What about Building 7?», часто строятся не столько через формулировку альтернативной версии, сколько через отрицание официального рассказа и его обоснование как недостаточного, лживого или искажающего истину [Wood, Douglas 2013]. Эти нарративы активно используют метафорические конструкции, символику и символические противопоставления: «правда vs ложь», «манипулятор vs жертва», «видимый фасад vs скрытые механизмы» и др.

КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПОПУЛЯРНОСТИ

После терактов 11 сентября 2001 года в США и в некоторых других странах появилось движение, известное как «9/11 Truth Movement», которое предлагает альтернативные версии причин, событий и деталей произошедшего. В научной литературе анализ этих движений показывает, что они функционируют как форма культурного и политического выражения недоверия, в которой официальные рассказы подвергаются сомнению через особую риторику и метафору [Fenster 2015].

Метафорический язык играет ключевую роль в формировании конспирологических интерпретаций событий 11 сентября. Именно через метафоры задается ощущение скрытой сцены, на которой реальные факты кажутся постановкой, управляемой невидимыми силами. Визуальные и пространственные образы придают таким нарративам убедительность: то, что «на виду», трактуется как фасад, за которым прячется «подлинная» версия происходящего. Не менее пока-

¹ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

² Мостицкий И. Л. Универсальный дополнительный практический толковый словарь. М.: Триумф, 2012.

зателен и образ разрушения: падение башен-близнецов в конспирологических текстах трактуется не только буквально, но и как символический обвал доверия к государственным институтам и медиа.

Особое значение имеют бинарные оппозиции — правда и ложь, официальная информация и фейки либо аллюзии. Через них выстраивается схема, где официальные объяснения выглядят как навязанное мнение, а альтернативные версии — как «истина, спрятанная за занавесом». Подобные контрасты задают рамку восприятия и позволяют конспирологическим сообществам усиливать свою коллективную идентичность.

Функции метафор в этих нарративах действительно многолики. Во-первых, они помогают справляться с неопределенностью: после катастрофы, вызвавшей шок и когнитивный диссонанс, именно метафоры дают возможность структурировать хаотичный опыт. Во-вторых, они становятся инструментом мобилизации — маркерами протеста против политических и медийных элит. Как отмечает Марк Фенстер в своей книге «Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture» (2008), конспирологические интерпретации не ограничиваются альтернативными объяснениями событий, но формируют целые культурные ресурсы — символы, рассказы и визуальные схемы, позволяющие людям выражать недоверие и отчуждение.

Метафорический язык имеет выраженное когнитивное измерение — он влияет и на то, какие источники информации считаются надежными, как интерпретируются доказательства и каким образом фильтруется противоречивый контент. Эмпирическое исследование Вуда и Дугласа (*What about Building 7?*) [Wood, Douglas 2013] показало, что участники онлайн-дискуссий чаще направляют усилия на критику официальных версий, чем на выстраивание собственных альтернативных моделей, при этом активно используя образные выражения. Похожие выводы делает М. Буттер в работе «Verschwörungstheorien zu 9/11» [Butter 2022], где показано, что метафоры становились неотъемлемой частью популяризации конспирологических идей в США и Европе. А исследование Хэнли, Кумара, Дурумерика и др. «A Golden Age: Conspiracy Theories' Relationship with Misinformation Outlets...» [Hanley, Kumar et al. 2023] выявляет, что сайты конспирологической направленности формируют обширные сети гиперссылок, используемые

для усиления влияния через медиаплатформы, и отличаются высоким эмоциональным зарядом своего контента.

Материалом исследования послужили тексты англоязычных средств массовой информации и публичных выступлений политических лидеров (включая выступления президентов США и Великобритании, тексты аналитических статей и интервью) за период 2015–2024 гг.

Корпус составлен из 100 контекстов метафорического употребления, отобранных на основании ключевых слов, репрезентирующих концепты *control, responsibility, power, action, hand, tool, grip, force*. Источники включают электронные архивы «The Guardian», «The New York Times», «The Independent», «BBC Politics», а также базы данных *Political Discourse Corpus* и *News on the Web (NOW)*.

Методика исследования основана на сочетании приемов когнитивно-дискурсивного и контекстуально-интерпретационного анализа и включает три этапа:

1) выявление метафорических выражений на основе критериев, предложенных М. Прэгллом и Т. Группом (Pragglejaz Group, 2007)¹, с адаптацией к политическому контексту;

2) классификация метафор по типу концептуальных моделей («POLITICS IS CONTROL», «POWER IS A TOOL», «RESPONSIBILITY IS A BURDEN» и др.) с опорой на теорию концептуальной метафоры [Чудинов 2003];

3) интерпретация прагматических функций метафор в политическом дискурсе с использованием метода дискурсивного профилирования [Musolf 2016].

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «человек»

Фрейм «деятельность человека»

Слот — работа

Пример 1. *General Hamid Gul, a former head of ISI, believes the attacks were an "inside job" originating in the United States. / Генерал Хамид Гюль, бывший глава ISI, считает, что теракты были «внутренней работой», исходящей из Соединенных Штатов (CNN).*

Метафора «inside job» заимствует лексику из криминального жаргона, где она означает преступление, совершенное при участии «своего человека» внутри организации. В контексте 9/11 метафора переносит человеческий образ предательства и сговора на масштабное историческое событие. Она придает событию черты уголовного дела. Авторская интен-

¹ Group, Pragglejaz (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. Vol. 22, Iss. 1. P. 1–39. DOI 10.1080/10926480709336752.

ция — сместить внимание с внешней угрозы на внутренний саботаж. Такая метафора вызывает чувство предательства и ставит под сомнение легитимность институтов.

Пример 2. *They did the dirty work / Они сделали всю «грязную работу»* (CNN).

«Dirty work» распределяет роли: одни придумывают стратегию, другие выполняют аморальные задания. Это изображение помогает объяснить разделение ответственности и моральную дистанцию между инициаторами и исполнителями.

Слот — причинение вреда

Пример 3. *They smother the truth with lies and misdirection. / Они душат правду ложью и вводят в заблуждение* (CNN).

Метафора «smother the truth» переносит акт удушения на информационную сферу, представляя истину как объект, подавляемый ложью. Это усиливает эмоциональную окраску обвинения и подчеркивает насильственный характер сокрытия.

Фрейм «роль человека»

Слот — лидер

Пример 4. *There was a mastermind behind 9/11. / За событиями 11 сентября стоял главный вдохновитель/тайный лидер* (CNN).

Метафора «mastermind» создает образ единого, расчетливого агента, которому можно приписать ответственность за события. В риторическом плане это удобный способ сфокусировать обвинение и драматизировать нарратив.

Фрейм «физиология»

Слот — части тела

Пример 5. *A hidden hand guides global events like 9/11 / Скрытая рука управляет глобальными событиями, такими как 11 сентября* (L. M. Banco. Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory).

Метафора «hidden hand» использует образ руки, чтобы показать невидимое управление событиями. В контексте 9/11 он усиливает ощущение скрытого контроля.

Пример 6. *They have blood on their hands. / У них на руках кровь* (GQ).

Образ «крови на руках» переносит моральную вину в физическую метку: делает моральное обвинение более наглядным.

Другие антропоморфные метафоры, не подвергшиеся тщательному анализу, но включенные в статистику: «mind control» (контроль разума), «pulling the strings» (держат за нити) и др.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «социум»

Фрейм «искусство»

Слот — театр

Пример 7. *9/11 was staged to create con-*

sent for policy changes / События 11 сентября были инсценированы для получения согласия на внесение изменений в политику (UChicago).

«Staged» переносит события в сферу сценического искусства: трагедия предстает как инсценировка, адресованная публике. В такой интерпретации население — зрители, а государственные механизмы — режиссер и декораторы. Метафора создает впечатление о манипулировании общественным мнением.

Пример 8. *The attacks were orchestrated by hidden actors / Эти нападения были организованы скрытыми лицами* (Slate).

Пример 9. *The deep state orchestrated 9/11 / Глубинное государство организовало 11 сентября* (NYT).

Слово «orchestrated» переносит музыкальную метафору на социальную координату: как дирижер ставит спектакль, так и некие силы якобы согласовали ряд действий для достижения эффекта. Такой образ уменьшает пространство случайности и подчеркивает согласованность и планомерность действий, усиленно представляя события как результат коллективного, но скрытого управления.

Пример 10. *It was political theatre to rally the nation. / Это был политический спектакль, призванный сплотить нацию* (UChicago).

«Political theatre» подчеркивает элемент выступления в политике: публичные акции и риторика становятся средством управления мнением, а не искренним выражением позиций.

Фрейм «война»

Слот — военные операции

Пример 11. *9/11 was a black ops operation. / 11 сентября была секретной операцией* (Andreas von Bulow. The CIA and September 11).

«Black ops» подразумевает нелегальные или скрытые военные операции. Применение к 9/11 предполагает, что за трагедией стояли спецоперации, организованные вне публичного контроля, что создает атмосферу таинственности и обвинения в насилии от параллельных сил.

Пример 12. *The planes acted as a Trojan horse to justify wars. / Самолеты действовали как троянский конь для оправдания войны* (CNBC).

«Trojan horse» — мифический образ внедрения угрозы под видом подарка. В случае 9/11 самолеты интерпретируются как средство внедрения предлога для дальнейшей агрессии; метафора подчеркивает стратегическую хитрость и обман.

Пример 13. *«The New Pearl Harbor» / Новый «Перл-Харбор»* (David Ray Griffin. The

New Pearl Harbor).

Аналогия с Перл-Харбором ставит 9/11 в ряд исторических «переломных моментов», служивших оправданием для военных кампаний. Метафора придает событию статус катализатора и показывает его использование в политическом проектировании войны.

Фрейм «религия»

Слот — жертвоприношение

Пример 14. *Some theorists speak of victims as 'sacrificial lambs' for political gain. / Некоторые теоретики говорят о жертвах как о «жертвенных ягнятах», приносимых в жертву ради политической выгоды (In these times).*

Образ «жертвенного ягненка» придает трагедии сакральный оттенок: пострадавшие воспринимаются как подставленные жертвы ради достижения политических целей, что делает обвинение морально тяжелым.

Наиболее частотными в данной категории оказались метафоры, связанные с театром, но также часто встречались метафоры, связанные и с другими сферами социальной жизни. Например, «shadow government» (теневое правительство), «wag the dog» (кинофильм «Плутводство») и др.

АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «предмет»

Фрейм «военное дело»

Слот — маскировка

Пример 15. *The attacks were a "false flag". / Атаки были просто маскировкой (Knight, Peter (2008). Outrageous Conspiracy Theories: Popular and Official Responses to 9/11 in Germany and the United States).*

Термин «false flag» происходит из военной практики и обозначает прием прикрытия своей идентичности чужим знаменем. Примененный к 9/11, он превращает трагедию в тщательно спланированную инсценировку, направленную на то, чтобы представить действия как совершенные кем-то другим. Образ работает как объяснительный механизм — он предлагает простую, инструментальную версию событий и делает акцент на намеренной маскировке мотива и исполнителей.

Слот — оружие

Пример 16. *WTC7 footage is the smoking gun. / Видеозапись WTC7 — это неопровержимый факт (Gage, Richard; Roberts, Gregg; Chandler, David. Conspiracy theory or hidden truth? The 9/11 enigmas)*

Фрейм «строительство»

Слот — снос

Пример 17. *The towers came down by controlled demolition. / Башни рухнули в результате контролируемого сноса (Clarke, Steve.*

Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development).

«Controlled demolition» заимствует профессиональную лексику инженеров: снос выполняется по расчету с применением взрывчатки. В контексте дискуссий о падении башен это выражение предлагает техническую альтернативу официальной версии: не обрушение вследствие пожара и удара самолетов, а заранее подготовленный взрыв. Метафора апеллирует к представлениям о планировании и точности, делая события производными от человеческого расчета, а не стечения обстоятельств.

Пример 18. *Engineered collapse — used to suggest technical planning in the buildings' fall. / Инженерное обрушение — используется для определения технического планирования при падении зданий (Clarke, Steve. Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development).*

«Engineered» переносит язык инженерной дисциплины в область событий: падение зданий интерпретируется как результат проектного решения, а не случайности. Такой образ делает версию о контролируемом сносе более убедительной для аудитории, ориентированной на рациональные объяснения.

Фрейм «производство»

Слот — фальсификация

Пример 19. *The attack was manufactured. / Нападение было сфабриковано (CNN).*

«Manufactured» придает событиям налет искусственного производства: атаки или доказательства выглядят как продукты, составленные по заказу. Метафора подчеркивает идею намеренной конструкции фактов и усиливает подозрение в институциональной подделке.

Фрейм «бытовые предметы»

Слот — документы

Пример 20. *"Follow the paper trail" — phrase used by investigators and theorists alike. / «Идите по следу документов» — фраза, используемая как исследователями, так и теоретиками.*

«Paper trail» апеллирует к документам как источнику доказательств. Идея в том, что документы сохраняют «историю» действий и именно по ним можно проследить ответственность. Это делает акцент на процедурном и документальном расследовании.

Данная категория метафор оказалась наиболее многочисленной среди остальных. Среди других примеров метафор — «covering the tracks» (заметание следов), «master plan» (главный план) и др.

ПРИРОДНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «природа»

Фрейм «природное явление»

Слот — дым

Пример 21. *Media acted as a smoke-screen.* / СМИ действовали как дымовая завеса (CFR).

«Smokescreen» — военный прием: дымовая завеса скрывает действия. В информационном контексте это означает, что медиа могли служить отвлекающим маневром, закрывая реальные мотивы или детали. Метафора переводит информационный поток в образ тактического прикрытия, внушая ощущение, что публичное внимание сознательно перенаправлено.

Фрейм «жизнедеятельность животных»

Слот — паутина

Пример 22. *Officials are caught in a web of lies.* / Чиновники запутались в паутине лжи (L. M. Banco. *Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory*).

«Web of lies» использует биомотив паутины, демонстрируя, как мелкие фальсификации переплетаются и образуют сложную сеть лжи. В рамках 9/11 это образ запутанности, из которой, по мнению критиков, трудно выбраться без радикального разоблачения.

Слот — нора

Пример 23. *"Go down the rabbit hole" — phrase widely used by online communities exploring 9/11 theories.* / «Спуститься в кроличью нору» — фраза, широко используемая онлайн-сообществами, исследующими теории 11 сентября.

«Rabbit hole» описывает опыт углубления в конспирологические версии: по мере «погружения» человек теряет обычные ориентиры и начинает воспринимать альтернативные объяснения как всё более значимые.

Данная категория метафор является наименее распространенной среди всех.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что метафора в конспирологическом дискурсе, связанном с событиями 11 сентября, выполняет не только художественно-выразительную, но и когнитивную функцию. Она помогает структурировать неопределенные и травматичные события, формируя целостные объяснительные модели, которые подменяют сложную реальность наглядными образами.

Используя антропоморфные, социоморфные, артефактные и природоморфные метафоры, сторонники конспирологических версий придают своим высказываниям видимость логичности и убедительности, конструируют альтернативную картину мира и

укрепляют групповую идентичность. Наиболее частотными оказались артефактные метафоры, что объясняется стремлением интерпретаторов опираться на технические и военные образы, создающие иллюзию рациональности и достоверности.

Результаты исследования показывают, что когнитивная метафора выступает ключевым механизмом структурирования политического дискурса. Метафорические модели действия, контроля и ответственности формируют устойчивые схемы восприятия власти, влияя на оценку политических субъектов и их решений.

Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях политического манипулирования, риторики власти и концептуальных стратегий легитимации.

В дальнейшем перспективным представляется сопоставление метафорических моделей власти в различных политических культурах и языках, что позволит выявить универсальные и культурно-специфические механизмы концептуализации политической ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова // Вестник Омского университета. — 2015. — № 2 (76). — EDN TZQTYL.
2. Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. — Москва : ИНДЕМ, 2004. — 96 с. — ISBN 5-902204-09-7. — EDN RTAOTP.
3. Блэк, М. Метафора. Текст / М. Блэк // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Прогресс, 1990.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток — Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6. — EDN RUFSDV.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.
7. Butter, M. Verschwörungstheorien zu 9/11 / Michael Butter // Asiatische Studien – Études Asiatiques. — 2022. — Vol. 76. Iss. 2. — P. 231–246. DOI 10.1515/asia-2022-0023.
8. Cassam, Q. Conspiracy Theories / Quassim Cassam. — Cambridge : Polity Press, 2019. — 146 p. — ISBN 978-15-09535828.
9. Charteris-Black, J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. — 2nd ed. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — DOI 10.1057/9780230319899. — EDN FAURHG.
10. Clarke, S. Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development / Steve Clarke // Episteme: A journal of social epistemology. — Edinburgh University Press, 2007. — Vol. 4, Iss. 2. — P. 167–180. — DOI <https://doi.org/10.3366/epi.2007.4.2.167>.
11. Crisp, P. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse / P. Crisp, R. Gibbs, G. Low, A. Deignan // Metaphor and Symbol. — 2007. — Vol. 22, Iss. 1. — P. 1–39. — DOI 10.1207/s15327868ms2201_1.
12. Fenster, M. A Failure of Imagination: Competing Narratives of 9/11 Truth / Mark Fenster // Diogenes. — 2015. — Vol. 62 (3-4). — P. 121–129. — DOI 10.1177/0392192116669270.

13. Hanley, H. W. A. A Golden Age: Conspiracy Theories' Relationship with Misinformation Outlets, News Media, and the Wider Internet / H. W. A. Hanley, D. Kumar, Z. Durumeric [et al.] // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. — 2023. — Vol. 7, Iss. W2. — Art. No 252. — P. 1–33. — DOI 10.1145/3610043.

14. Knight, P. Outrageous Conspiracy Theories: Popular and Official Responses to 9/11 in Germany and the United States / Peter Knight // *New German Critique*. — 2008. — № 103. — P. 165–193. — DOI 10.1215/0094033X-2007-024.

15. Kövecses, Z. *Metaphor: a practical introduction* / Z. Kövecses. — 2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2010. — XX, 375 p. — ISBN 978-0-19-537494-0.

16. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 256 p. — ISBN 0-226-46801-1.

17. Banco, L. M. *Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory* / L. M. Banco // *Apocalypse in American Literature and Culture* / ed. John Hay. — Cambridge Univ. Press, 2020. — P. 42–54.

18. Musolff, A. *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios* / A. Musolff. — London: Bloomsbury, 2016. — 194 p.

19. Semino, E. *Metaphor in Discourse* / E. Semino. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2008. — 247 p. — ISBN 9780521867306.

20. Wood, M. J. What about Building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories / M. J. Wood, K. M. Douglas // *Frontiers in Psychology*. — 2013. — Vol. 4. — Art. No 409. — DOI 10.3389/fpsyg.2013.00409.

21. Raab, M. H. Thirty shades of truth: conspiracy theories as stories of individuation, not of pathological delusion / M. H. Raab, S. Ortlieb, K. Guthmann, N. Auer // *Frontiers in Psychology*. — 2013. — № 4. — Art. No 406. — DOI 10.3389/fpsyg.2013.00406.

REFERENCES

1. Balashova, L. V. (2015). Dinamicheskaya kontseptsiya metafory: ot Aristotelya do sovremennoy kognitivnoy lingvistiki = The Dynamic Concept of Metaphor: From Aristotle to Modern Cognitive Linguistics. *Bulletin of Omsk University*, 2(76). EDN TZQTYL.

2. Baranov, A. N., Mikhaylova, O. V., Satarov, G. A., Shipova, E. A. (2004). Politichesky diskurs: metodi analiza tematicheskoy strukturi i metaforyki = Political Discourse: Methods of Analysis of Thematic Structure and Metaphorics. Moscow: INDEM, 96 p. ISBN 5-902204-09-7. EDN RTAOTP.

3. Blek, M. (1990). Metafora. Tekst = Metaphor. Text. *Theory of Metaphor* (ed. N. D. Arutyunova). Moscow: Progress.

4. Lakoff, J., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorimi mi zhivem = Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS. ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.

5. Popova, Z. D., Stermin, I. A. (2007). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Moscow: AST: Vostok — Zapad, 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. EDN RUFSD.

6. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.

7. Butter, Michael (2022). Verschwörungstheorien zu 9/11. *Asiatische Studien — Études Asiatiques*, 76(2), 231–246. <https://doi.org/10.1515/asia-2022-0023>.

8. Cassam, Quassim (2019). *Conspiracy Theories*. Cambridge: Polity Press, 146 p. ISBN 978-15-09535828.

9. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. 2nd Edition. London: Palgrave Macmillan. DOI 10.1057/9780230319899. EDN FAURHG.

10. Clarke, Steve. (2007). Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development. *Episteme: A journal of social epistemology*, 4(2), 167–180. Edinburgh University Press. DOI <https://doi.org/10.3366/epi.2007.4.2.167>.

11. Fenster, Mark (2015). A Failure of Imagination: Competing Narratives of 9/11 Truth. *Diogenes*, 62(3-4), 121–129. DOI 10.1177/0392192116669270.

12. Hanley, H. W. A., Kumar, D., Durumeric, Z., et al. (2023). A Golden Age: Conspiracy Theories' Relationship with Misinformation Outlets, News Media, and the Wider Internet. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 7(W2), art. No 252. DOI 10.1145/3610043.

13. Knight, Peter (2008). Outrageous Conspiracy Theories: Popular and Official Responses to 9/11 in Germany and the United States. *New German Critique*, 103, 165–193. <https://doi.org/10.1215/0094033X-2007-024>.

14. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: a practical introduction*. 2nd ed. New York: Oxford Univ. Pr., XX, 375 p. ISBN 978-0-19-537494-0.

15. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 0-226-46801-1.

16. Banco, L. M. (2020). *Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory. Apocalypse in American Literature and Culture*, 42–54.

17. Musolff, A. (2016). *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios*. London: Bloomsbury, 194 p.

18. Semino, E. (2008). *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 247 p. ISBN 9780521867306.

19. Crisp, P., Gibbs, R., Low, G., Deignan, A. (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39. DOI 10.1207/s15327868ms2201_1.

20. Wood, M. J., Douglas, K. M. (2013). What about Building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories. *Frontiers in Psychology*, 4, article 409. DOI 10.3389/fpsyg.2013.00409.

21. Raab, M. H., Ortlieb, S., Guthmann, K., Auer, N. (2013). Thirty shades of truth: conspiracy theories as stories of individuation, not of pathological delusion // *Frontiers in Psychology*, 4, art. No 406. DOI 10.3389/fpsyg.2013.00406.